

Москва

11
2011

SHOUT **IT**
SHARE

- «Я надеюсь на милость бога...» А.А. Карзинкин как образец русского православного мецената
- notes
 - ☐ 1
 - ☐ 2
 - ☐ 3

«Я надеюсь на милость бога...» А.А. Карзинкин как образец русского православного мецената

Период примерно в пятьдесят-шестьдесят лет называют золотым веком русского меценатства. Он простирается от начала «великих реформ» 60-х годов XIX века до Первой мировой войны. Таким образом, события «золотого века» разбросаны на хронологическом пространстве трех последних царствований. Русские предприниматели того времени почувствовали тягу к высокой культуре. Они тратили колоссальные средства на собирание художественных коллекций; в их особняках появлялись во множестве первоклассные произведения искусства, старинные книги, антиквариат; из этих богатств затем составлялись музеи, библиотеки, галереи, в конечном итоге достававшиеся России. Они покровительствовали театру, балету, музыке. Они разрабатывали совместно с живописцами и архитекторами русский национальный стиль.

Сначала это считалось причудой, потом стало модой, а на закатной поре императорской России превратилось чуть ли не в обязательный ритуал, подтверждающий социальный статус солидного дельца. К.С. Алексеев-Станиславский, театральный деятель с мировым авторитетом, писал: «Я жил в такое время, когда в области искусства, науки, эстетики началось большое оживление. Как известно, в Москве этому немало способствовало тогдашнее молодое купечество, которое впервые вышло на арену русской жизни и, наряду со своими торгово-промышленными делами, вплотную заинтересовалось искусством».

Новые театральные здания, обширные музейные фонды, масштабное просветительское книгоиздание, а также прекрасные галереи, среди коих первенствует знаменитая Третьяковка, — все это создавалось волей московских предпринимателей, под влиянием их вкуса и, разумеется, на их деньги. Современная Россия, к сожалению, ничего подобного не знает. Купец времен Александра III, считающийся, с легкой руки драматурга А.Н. Островского, таким самодуром и прохвостом, по своему культурному уровню, по эстетическим запросам возвышается над современным олигархом. Во многих случаях просвещенный предприниматель, живший столетие или полтора назад, мог бы служить нравственным образцом для капиталиста наших дней.

Говоря о великолепии бурной меценатской деятельности, не

следует забывать: она не стала единственной формой купеческих благодеяний. Как и за сто лет до того, за двести и за триста, традиционная благотворительность повсеместно расцветала во второй столице империи. Современный историк предпринимательства Г.Н.Ульянова пишет по этому поводу следующее: «Рывок в развитии социальной сферы па рубеже XIX X веков был напрямую связан с огромной ролью частных пожертвований. За 49 лет, с 1863 по 1911 год, через городское управление поступило пожертвований на дела благотворительности в Москве: деньгами — свыше 26 млн 500 тыс. руб., имуществом — свыше 6 млн руб., а всего на сумму свыше 32 млн 500 тыс. руб. Почти половина указанной суммы была предназначена на общественное призрение, а другая половина употреблена приблизительно в равных размерах на врачебную помощь и народное образование» [1]. Сюда еще не вошли колоссальные суммы, отданные Церкви: на воздвижение храмов, на ремонт обветшавших церквей, на обновление утвари, на покупку земельных участков для возведения церковных построек. Так, именно щедрые даяния целой грозды московских купцов обеспечили тогда грандиозное строительство в Николо-Угрешской обители, позволив ей превратиться во «вторую лавру». Невероятно богатый Ю.С.Нечаев-Мальцев строил церкви, богадельни, дома для своих рабочих, а ныне от всех этих масштабных трудов в народной памяти остались — в лучшем случае! — три миллиона, пожертвованных им на возведение Музея изящных искусств имени Александра III.

По-прежнему не что-то особенное, недавно приобретенное, а незыблемые принципы христианской жизни заставляли предпринимателей жертвовать изрядную часть своего богатства на благие деяния. Христианское отношение к благотворительности передавалось в купеческих семьях от отца к сыну — порой на протяжении многих поколений. Однако... передать подобным образом тягу к пожертвованиям в пользу театра или, скажем, на покупку картин для художественной галереи до второй половины XIX столетия было в принципе невозможно. Такого не водилось в среде московских «торговых людей»

XVIII века и даже первой половины века XIX. Переход или, лучше сказать, переворот в пользу меценатства, связанного со светской культурой, произошел во второй половине XIX столетия.

Этот поворот лицом к возвышенным материям, а затем и практические деяния наших купцов, промышленников, «железнодорожных королей» представляют собой очень важную страницу в истории русской культуры, да и русского народа в

целом. Какое это было масштабное явление! Какие горизонты открывало! Какую силу могла направить на созидание предпринимательская элита, выросшая из народной почвы нашей! Какие характеры вышли тогда на свет! По меткому выражению тех лет, образованный русский купец оказался большим козырем для национального развития.

Козырь этот впоследствии жадно поглотила ненасытная глотка революции. А нынче и вспомнить трудно, какую мощь русскому культурному строительству придавал в ту пору купец-благотворитель...

Судьба одного из богатейших коммерсантов того времени — **Александра Андреевича Карзинкина** может быть приведена как пример доброго сочетания высокой культурности нового поколения русских купцов с их преданностью христианству. Карзинкин глубоко погрузился в мир науки и высокой культуры Нового времени, но от этого не перестал быть ни оборотистым предпринимателем, ни русским человеком, ни православным верующим. Таких, как он, было много.

Тогда.

Вот бы появиться подобным людям и сейчас. Самое время!

Династия предпринимателей Карзинкиных берет свое начало в 60-х годах

XVIII века и считается одной из старейших московских купеческих династий, «доживших» до начала XX столетия. Родоначальник семейства, Андрей Сидорович Карзинкин (ок. 1760–1822), прошел путь от экономического крестьянина до московского купца третьей гильдии — торговца «яблочного ряду» (с 1791), а от него — до купца первой гильдии (в 10-х годов XIX столетия). Его сыновья, Иван Андреевич (1790 — после 1869) и Александр Андреевич (1792 — после 1835), московские купцы первой гильдии (с 20-х годов XIX века), потомственные почетные граждане, стали родоначальниками двух ветвей семейства. Оба брата занимались чайной торговлей, которая позволила им значительно приумножить капиталы. Оба они к этому занятию добавили новое: открыли текстильное дело. С тех пор Карзинкины трудились на двух нивах одновременно. Сын Александра Андреевича — Андрей Александрович (ок. 1823–1906) был крупным чаоторговцем и текстильным магнатом, а кроме того, видным благотворителем. Но речь в настоящей статье пойдет не о нем, а о его сыне, полном тезке своего деда, Александре Андреевиче Карзинкине.

Выходец «из природного московского купечества», Александр Андреевич Карзинкин родился 6 июня 1863 года в семье

потомственного почетного гражданина, купца первой гильдии Андрея Александровича Карзинкина и Софьи Николаевны, урожденной Рыбниковой. В семье было трое детей: сын Александр и две дочери — Елена и Софья. Младшая дочь, Софья, умерла в юном возрасте. Купеческому сыну, появившемуся на свет через два года после отмены крепостного права, предстояла долгая, пестрая жизнь: он увидит и славу России, и трагические часы ее, и страшное падение...

Отец Александра Андреевича, как и некоторые другие состоятельные купцы стабильной Николаевской эпохи, нутром чуял: в обществе происходят перемены. Он понимал, что в новых условиях оставить детей без образования — значит фактически поставить под угрозу их будущее благополучие. Дочь Елена, родившаяся в 1861 году, образование получила художественное: она окончила Московскую школу живописи, ваяния и зодчества, была ученицей знаменитого пейзажиста, мастера исторической и жанровой живописи В.Д.Поленова. Ее творчество представлено в собрании Третьяковской галереи. А сын Александр, видимо, по указке отца получал знания более практического склада. В начале 80-х годов XIX века он посещал лекции в Императорском московском техническом училище^[2] (ныне Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана). Сложно сказать, насколько это образование соответствовало складу личности и устремлениям тогда еще молодого коммерсанта... Но оно, как минимум, погрузило его в мир науки и техники.

Карзинкин-старший, как было сказано выше, был крупным коммерсантом. Именно при нем семейное чаеоторговое дело стало приносить особенно большие прибыли. Четыре его амбара располагались в самом сердце Москвы — в Старом Гостином Дворе, а фирменные чайные магазины, число которых доходило до десятка, были разбросаны по всей первопрестольной. Кроме того, Андрей Александрович самое активное участие принимал в деятельности Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, став, наряду с братом Иваном Александровичем и петербургским купцом Г.М. Игумновым, его учредителем (1858) и директором. Мануфактура, на которой велось бумагопрядильное и ткацкое производство, стала к 1912 году вторым по мощности предприятием данного профиля в России. Одним словом, он был из числа солидных воротил, вышедших из недр русского народа и отличавшихся железной хваткой в делах, масштабом замыслов и весьма почтительным отношением к другим представителям национальной торгово-промышленной среды. Сегодня о русской предпринимательской элите, которая была бы столь же крепка,

разумна, да чтобы еще и толща ее пронизывалась во всех направлениях тысячами родственных и дружеских связей, наша страна может только мечтать.

Будучи отпрыском видного купеческого семейства, Александр Андреевич должен был пойти по стопам отца. Так и произошло. Унаследовав со временем семейное дело, Карзинкин-младший значительную часть своего времени отдавал делам Товарищества Ярославской мануфактуры, одним из директоров которого он стал еще при жизни родителя, в 1886 году. Современники величали Александра Андреевича «льняным королем». Впрочем, при нем Товарищество не ограничивалось производством льняных материй. После окончательного присоединения Средней Азии к России (в 80-х годах XIX века) семейство Карзинкиных стало одним из пионеров освоения среднеазиатского хлопка в российской текстильной промышленности. В конце XIX века Товарищество стремительно расширялось. В Туркестане располагались его хлопковые плантации. В Ферганской долине и близлежащих землях была создана целая сеть хлопкоочистительных заводов. Кроме того, Товариществу принадлежали два вспомогательных предприятия по производству прутowego железа в Череповецком уезде Новгородской губернии... Помимо всего прочего, Александр Андреевич стал после кончины родителей крупнейшим домовладельцем. Он унаследовал пять домов в Москве (два от отца и три от матери), четыре амбара в Старом Гостином Дворе, десять лавок, дачу в Сокольниках и имение в Звенигородском уезде. А.А. Карзинкин-младший, пребывая в числе владельцев Ярославской мануфактуры — огромного современного предприятия, — претворял вместе с ними в жизнь широчайшую социальную программу для рабочих. Например, для детей работников были устроены школы и детский сад, тратились значительные средства на жилье и больницы. Бывавший на карзинкинской фабрике художник К.А.Коровин сказал как-то в разговоре с искусствоведом П.П.Муратовым: «У Карзинкина на фабрике рабочие жили так, как в Англии не живут». Сам же Муратов рассказывает о том, что в глазах А.А. Карзинкина-младшего семейное дело являлось частью дела общероссийского. По мнению Муратова, для Александра Андреевича и других «традиционно принадлежавших к промышленности» коммерсантов, то есть представителей старых купеческих родов, было свойственно особое отношение к труду как к самостоятельной ценности, помимо прибыли, — отношение, которого уже не знали многие крупные фигуры «современного индустриального мира». «Для Александра Андреевича, — пишет

Муратов, — эта мануфактура была семейным, наследственным, воистину родным делом. Он служил ему верно и старался беречь его лучшие традиции. Хозяином был он мягчайшим и заботливейшим».

Помимо устройства дел мануфактуры, Александр Андреевич выполнял и немало общественных обязательств. Купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, владелец огромного предприятия, Карзинкин был членом советов Московского учетного банка, Московского банка, Российского взаимного страхового союза. И, однако, высокая социальная активность не мешала ему иметь собственные культурные и научные интересы. Мало того, эта сторона жизни предпринимателя могла, как ни парадоксально, представлять для него даже большую ценность...

Та среда, к которой А.А. Карзинкин принадлежал по рождению, воспринималась им двояко. С одной стороны, мир московского купечества являлся для него родным. С детства узнавал он деловых товарищей отца, знакомился с членами их семей, входил в курс дела отцовских предприятий. С другой же... Александр Андреевич ясно чувствовал, что, помимо дел коммерции, помимо материальных интересов, есть нечто другое, как минимум не менее важное. Наука, искусство. То, чем постепенно пропитывалась жизнь вокруг него. И Карзинкин пожелал войти в этот новый для себя мир. Иначе зачем бы молодой человек, уже располагая и высоким социальным статусом, и многообещающими перспективами, пошел в дом крупного ученого Александра Васильевича Орешникова и высказал желание всерьез заниматься под его руководством нумизматикой? Притом не просто собирать монеты, а окунуться в сложные вопросы нумизматики как особой исторической дисциплины. С этого момента — Карзинкин был 23 лет, Орешников 31 года от роду — началось наставничество ученого над Александром Андреевичем и вместе с ним — крепкая дружба, не прекращавшаяся на протяжении всей их жизни, несмотря ни на какие внешние обстоятельства.

А.А. Карзинкин в письме 1918 года, адресованном своему старшему товарищу, признается ему, что именно А. В. Орешников, как наставник, способствовал формированию личности Александра Андреевича, проявлению его вкусов и увлечений. «Ясно помню я, как много лет тому назад... в 1-й раз явился я к Вам, в Вашу контору, которая находилась тогда в Стар[ом] Гост[ином] Дворе, в Рыбном переулке, и заявил Вам, что пришел по совету А.И.Майтова и что желал бы заняться нумизматикой. На Ваш естественный вопрос: каким именно

отделом? — я, подобно П.И.Чичикову, наивно ответил: „что нумизматикой вообще“. Вы ласково поддержали меня, подбодрили, пригласили к себе, помогли мне завести нумизматическую библиотеку и всемерно постарались не заглушить во мне этот наивный порыв к знанию, к свету, к науке. С этого времени началось наше знакомство, а для меня — началась моя умственная жизнь».

В доме Орешникова Карзинкин знакомится с людьми науки, осваивает книжные премудрости, находит новые увлечения. Это был иной, свежий воздух, ничуть не похожий на тот, которым он дышал прежде. Матерый делец, купчина из рода купчин, Александр Андреевич неожиданно для себя воспаряет над миром «счетов и кредитов», быть может, крепко опостылевшим. Он как будто расстается с ветхими одеждами — пусть и прочными, добротнo скроенными, удобно сшитыми, чтобы примерить новые, совершенно другие. Дух его приобретает опыт, который можно было бы, наверное, сравнить с первой влюбленностью, внезапно переросшей в большую настоящую любовь — на всю жизнь. Александр Андреевич не поступает ради нового отношения к действительности ни нравственным чувством своим, ни верой. Господь послал ему душевный покой, которого Карзинкин не терял, даже когда личность его вошла в полосу столь значительной духовной эмансипации. Наверное, здесь можно найти сходство с ласковым августовским дождем... Человек выходит из дому, думая о делах, о прибыли, о повседневной суете, чувствует, как теплые капли падают ему на щеки, останавливается, поднимает ладони к небу, ощущает, как сердце наполняется неизвестно откуда пришедшим ликованием — и каким-то неизъяснимым чудом сохраняет это ликование на протяжении многих десятилетий, до гробовой доски. В душе у Александра Андреевича всегда был мир, он не ломался, не знал буйства внутренних революций. Кажется, спокойное счастье было даровано ему свыше...

В доме Орешникова и под влиянием его рассказов растет и крепнет в сердце коммерсанта восхищение великолепной Италией — родиной его будущей жены, да еще миром изобразительного и музыкального искусства, художественной литературы и строгой науки. Здесь, под впечатлением от бесед со знатоками истории и нумизматики И.Е.Забелиным, Хр. Хр. Гилем, О.И.Горнунгом, И.И. Толстым и другими крупными учеными, складываются его собственные ученые интересы, кристаллизуется новое мировосприятие, сфокусированное не на увеличении капитала, а на эстетических запросах. Здесь он обретает почву для самостоятельного творчества и впоследствии, напивавшись ее

соками, Александр Андреевич пишет первые статьи — и первую книгу, о медалях времен Лжедмитрия I. Карзинкин-младший знал иностранные языки, много путешествовал, впитывая европейскую и среднеазиатскую культуру. До конца жизни пронес А.А. Карзинкин в своем сердце признательность А.В.Орешникову.

Столь значительная перемена коснулась всего строя личности предпринимателя. Он происходил из древнего купеческого семейства, принадлежащего миру Тит Титычей. Однако новый образ действий, усвоенный им под влиянием доброго наставничества, создал крупному коммерсанту репутацию интеллектуала, деятеля исключительной культуры.

Знакомые Александра Андреевича неизменно отзываются о нем как о человеке просвещенном. О высоком культурном уровне А.А. Карзинкина говорит В.Н. Муромцева-Бунина, супруга И.А. Бунина. Семью Карзинкиных, в лице прежде всего Александра Андреевича и его сестры, художницы Елены Андреевны (в замужестве Телешовой), она причисляет к «одной из самых видных и просвещенных купеческих фамилий». Близко знакомый с Александром Андреевичем П.П.Муратов пишет: «А.А. Карзинкин принадлежал к той просвещенной среде московского купечества, которая была связана с искусством и литературой. Писатель Телешов был его родственником. И.С. Остроухов (купец, крупный художник-пейзажист, коллекционер и один из первооткрывателей древнерусской живописи. — А.Ф.) состоял с ним в давней и большой дружбе. Карзинкина хорошо знали художники, актеры, певцы, люди театра». Искусствоведу вторит В.П.Зилоти, старшая дочь П.М.Третьякова, находившаяся с Карзинкиным-младшим в приятельских отношениях: «...культурный, милый... Страшно любил Александр Андреевич музыку, литературу, театр... Стал он бывать у нас зимою в „Толмачах“, носил мне книжку за книжкой, и я ему много играла».

Действительно, Александр Андреевич, вращавшийся в среде интеллектуалов высокой пробы, имел немало увлечений, требовавших серьезной работы ума и духовных усилий. Он много читал, занимался просветительским книгоизданием, писал труды по нумизматике и фалеристике. Наконец, он горячо любил театр.

Меценат, создатель частного музея «Российских древностей» П.И.Щукин называет Карзинкина в числе известных московских нумизматов. Да так оно и было.

У А.В. Орешникова, нумизмата первой величины, чьи труды не потеряли научной ценности и в наши дни, собирались знатоки монет. Когда в 1888 году было образовано Московское нумизматическое общество (МНО), его действительные члены А.А. Карзинкин и А.В. Орешников на протяжении многих лет

были в числе наиболее инициативных его участников. Нумизматы, входившие в МНО, не просто уделяли часть своего досуга коллекционерству. Они ставили серьезные научные задачи и с успехом добивались их решения. Созданные при обществе библиотека и общественная нумизматическая коллекция комплектовались в основном за счет пожертвований наиболее активных членов общества. Александр Андреевич не только внес существенный вклад в библиотеку МНО, но и наряду с П.В. Зубовым выручил общество из того тяжелого финансового положения, в котором оно очутилось в 1898 году. Оказывать финансовую помощь обществу Карзинкин продолжал в течение многих лет.

Современники называют А.А. Карзинкина заядлым театралом. Он неплохо знал жизнь театра и его деятелей; в частности, дружил с К.С. Алексеевым-Станиславским. Регулярно посещал театр и оперу, участвовал в постановках Алексеевского кружка, организовал даже собственный домашний театр в особняке на Покровском бульваре. Последнее отчасти было данью московской моде: на рубеже веков многие купцы, по образцу Мамонтовых и Алексеевых, увлеклись театральными постановками на дому. Женой Александра Андреевича стала прима-балерина московского Большого театра красавица итальянка Аделина Джури (сценическое имя — Аделаида). В этом браке родилась дочь — дитя любви, — названная в честь матери и покойной сестры Александра Андреевича Соней — Сонюшей.

Карзинкин любил и ценил живопись. Время от времени он покупал картины знаменитых мастеров, но не пытался составить коллекцию или учредить галерею, как, например, те же Третьяковы. Так, будучи в Петербурге, он приобрел на академической выставке большой этюд И.И.Шишкина с лесной чащей.

Не став «галеристом», Александр Андреевич получил ценный опыт, который ему очень и очень пригодится... впрочем, об этом — ниже.

Но более всего Александра Андреевича привлекал мир печатного слова.

Человек традиционной культуры, Карзинкин не представлял себе жизнь без основы основ — книги. В зрелые годы его духовная, религиозная книжность дополнилась книжностью светской, притом весьма высокого уровня. Знакомые называют Карзинкина любителем литературы, особенно стихов. Так, В.Н. Муромцева-Бунина пишет: «После обеда Ян (дружеское прозвище И.А.Бунина. — А.Ф.) читал свои стихи. Александру Андреевичу понравился больше всего „Берег“, мне было приятно: мы сошлись

во вкусах. Я всегда ценила его тонкое понимание стихов». Книги были настоящим увлечением Александра Андреевича. П.П.Муратов вспоминает: «Шкафы огромной библиотеки тянулись из комнаты в комнату. Карзинкин гордился тем, что у него была лучшая библиотека в России по истории Французской революции. Он собирался пожертвовать ее Московскому университету». Когда Павел Павлович спросил Карзинкина, что именно заставляет его интересоваться этой эпохой, то «со всегдашней скромностью своей он (Карзинкин. — А.Ф.) несколько смутился и как бы шепнул, по привычке своей, подняв палец и блеснув очками: „Страшное время, интересное время. Узнается человек-с“».

Карзинкин сам был крупным издателем просветительского направления. В дневнике И.А. Бунина от 20 декабря 1902 года содержится запись: «Карзинкин издал мои „Новые стихотворения“». А в 1914 году он стал соиздателем журнала «София». Кроме того, Александр Андреевич и сам регулярно вносил в науку солидный вклад. Его перу принадлежат книги и многочисленные статьи по нумизматике, а также работы, посвященные русским средневековым медальонным знакам.

Наиболее ярким выражением тяги Карзинкина к художественной литературе стали «Среды» — журфиксы, объединявшие выдающихся деятелей русской культуры: литераторов И.А. Бунина, А.П. Чехова, М.Горького, А.И. Куприна, В.А.Гиляровского, Л.Н.Андреева, Н.Г.Гарина-Михайловского, И.С.Шмелева, а также художников А.М.Васнецова, И.И.Левитана, певца Ф.И.Шаляпина, композитора С.В.Рахманинова и многих других. Устроителем «Сред» был писатель Николай Дмитриевич Телешов — муж художницы Елены Андреевны, сестры Карзинкина. Детище Телешова, «Среды» проходили в его доме на протяжении многих лет — с 1899 по 1916 год. Сперва собирались на Вальной улице, после женитьбы Телешова и Елены Андреевны — в их доме на Чистых прудах. И, наконец, в особняке на Покровском бульваре, 18, который Александр Андреевич Карзинкин предоставил в распоряжение сестры и ее супруга. «Среды» были главным образом событием литературы. Проходили они сначала по вторникам, потом, как и следует из названия, по средам. Участники журфиксов читали и обсуждали написанные ими стихи, поэмы, рассказы, пьесы. Так, Максим Горький впервые прочел здесь свою пьесу «На дне». Здесь обсуждалось большинство рассказов Л.Н.Андреева, почти все рассказы и повести И.А.Бунина той поры. Из произведений писателей кружка впоследствии были составлены сборники «Знание», «Слово» и «Нижегородский сборник». Александр Андреевич Карзинкин не только предоставил помещение для собраний, но и сам принимал

активное участие в обсуждениях.

«Среды» — далеко не единственное собрание людей культуры, в состав которого входил Александр Андреевич. С 1897 по 1908 год он состоял в совете Музея гигиены и санитарной техники. Кроме того, как человек разносторонних интересов, был в числе действительных членов Общества свободной эстетики. Существовавшее в 1907–1917 годах, общество это пыталось воплотить в жизнь витающую тогда в воздухе идею о синтезе различных искусств, об одновременном «охвате» всех областей культуры — изобразительного искусства и литературы, архитектуры и музыки.

И, что гораздо важнее, Александр Андреевич Карзинкин был в 1904–1912 годах членом попечительского совета городской Художественной галереи имени братьев П.М. и С.М.Третьяковых, возглавлявшегося в этот период И.С. Остроуховым. Тут-то и пригодились Карзинкину знание живописи и умение разбираться в картинах, приобретенное им во время многочисленных визитов в отечественные и европейские галереи, да еще при покупке полотен современных живописцев. Через его руки прошло немало новых поступлений.

Карзинкин стал одним из тех представителей предпринимательского класса, которые стали в деловой среде живым воплощением высокой культуры. Благодаря какому-то врожденному аристократизму духа навыки и знания, приобретенные в изрядном возрасте, вошли ему в плоть и кровь, стали неотъемлемой частью его личности. Им под стать были и другие душевные качества Александра Андреевича.

Карзинкин продолжил дело отца и стал успешным дельцом — умным, обладавшим замечательной деловой хваткой и большим кругозором. Он же, обретая новые знания и новый опыт, оказался в роли выдающегося мецената, помимо того, что всегда был добрым традиционным благотворителем. А для подобного счастливого сочетания нужны особые, недюжинные свойства души.

По воспоминаниям современников видно: Карзинкин — человек высокой нравственности.

Отличительной чертой Александра Андреевича была не только культурность, но и сердечная доброта и удивительная, шедшая из глубины души деликатность. О последней пишут многие его современники. Бережное отношение к окружающим; нежелание — неумение! — причинить сколько-нибудь серьезное неудобство другому человеку. Когда Вера Павловна Зилоти (супруга известного пианиста А.И.Зилоти, старшая дочь П.М. Третьякова, после его смерти хранитель семейного архива и

добрая знакомая Карзинкина) серьезно болела, он не переставал навещать ее: «Милейший Карзинкин, которому я больше играть не могла, по-прежнему носил мне книжки: Платона, Спенсера и других философов». Карзинкин мог дружбы ради оставить занимаемый его семьей номер в роскошном заграничном отеле и переехать в более скромное пристанище.

Деликатность его, по-видимому, возникла из сочетания естественной доброты с глубокой религиозностью Александра Андреевича. Ярчайший пример — ситуация с московским журналом «София», соиздателем которого Карзинкин стал в 1914 году. Издание это затеяли известный книгоиздатель К.Ф.Некрасов и П.П.Муратов. Задачей его было изучение древнерусского искусства, иконописи в первую очередь. Как пишет Муратов, «Карзинкин пожелал нам помочь. Он предложил К.Ф.Некрасову быть соиздателем, поставив только одно условие: чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах имя его не было названо. Некрасов соблюл это условие». Этот поступок выдает в Карзинкине не просто любителя научных знаний, но хорошего христианина. На ум приходит цитата из Евангелия: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6,3). Александр Андреевич, несомненно, знал эти слова. И он стремился сверять свою жизнь с евангельскими истинами.

Многие ли современные благотворители откажутся от бронзовой таблички со своим именем у подножия какого-нибудь монумента на городской площади или от места в реестре спонсоров, помещаемом на титульном листе журнала?

Карзинкину было присуще совершенно особое отношение к миру. Он всегда видел окружающую реальность с лучшей стороны. Видел не то, каков мир есть, а то, каким он должен быть, — то, что Осталось в нем от Райского сада. В сколь бы тяжелых условиях ни находился Александр Андреевич, его глаза всюду обращались к тому, что красиво, гармонично, совершенно. И свою жизнь он старался строить под стать этому видению — красивой, совершенной и... наполненной. Ведь где есть полнота любви, там нет места пустоте, а значит — унынию, безнадежности, озлобленности. Там страсти не находят для себя плодородной почвы. Жизнь Карзинкина — это любимая и любящая семья, постоянные поездки с ней; это дорогой сердцу труд; это любовование красотами природы, старинной архитектурой, душевными качествами людей. Карзинкин различал в жизни прежде всего черты творения Господня, дух Александра Андреевича обращался к лучшему, самому совершенному, что сохранилось в ней от бесконечно далеких

дней Изначалья. Такой взгляд — один из величайших даров Божьих, какие может получить современный человек, умудренный многоразличными знаниями. Карзинкин — деятель, изощренный в делах коммерции, соприкоснувшийся со сложным миром отечественного интеллигентства, к тому же в пеструю эпоху Серебряного века. Но он при всем том... остался чист. Душа его осталась чиста, словно ей /оставался время от времени глоток очищающей воды.

Тот же П.П. Муратов дает Александру Андреевичу превосходную характеристику, относя его к числу не просто хороших, но лучших людей из тех, которые встретились в жизни Павла Павловича: «Он был человеком редкой души в подлинном смысле этого слова. Не знаю ни в ком другом такого сочетания чувствительной деликатности, доброты, ласковости, скромности, благородства. Соединение в нем чистейших и драгоценнейших душевных качеств производило па меня и на других иной раз то гармоническое впечатление, которое заставляют испытывать художественные совершенства».

Остается еще раз подчеркнуть: удивительный, редкий сплав личности, возникший из сочетания доброго семейного воспитания, стойких христианских чувств и приобщения к миру высокой культуры!

Традиции благотворительности в семействе Карзинкиных были весьма крепки. Так, еще основатель династии Андрей Сидорович незадолго до смерти пожертвовал 10 тысяч рублей в пользу Андреевской богадельни (1822). А это были тогда немалые деньги!

С этими-то чудесными свойствами натуры Карзинкин-младший успешно играл роль щедрого благотворителя. Такого, каким был его отец, да и другие православные купцы, многое унаследовавшие от реальности XVI и XVII столетий, пронизанных высоким благочестием. Благотворительность Александра Андреевича имеет традиционные черты: он давал деньги на церковное строительство, на приюты и богадельни, на больничные потребности, на нужды бедняков. Так поступали до него тысячи других русских купцов.

Так поступал, в конце концов, его собственный отец.

Успешный предприниматель, Андрей Александрович прославился не только деловой хваткой. Семейство Карзинкиных было деревом, выросшим на почве Русской Православной Церкви и прочно в этой почве укорененным. Кроме того, крепко пустили они корни и в землю родного своего города. Как Андрей

Александрович, так и отец его и, по некоторым сведениям, дед, а затем сын на протяжении почти целого столетия оказывались в старостах московского храма Трех Святителей, что на Кулишках. Быть старостой — дело хлопотное, порой требующее больших расходов. Староста принимает личное, притом весьма деятельное, участие в жизни всего прихода. Зато и почета должность эта приносит немало. И если кого регулярно выбирают старостой — выходит, заслужил признательность многими трудами. Церковный староста из своего кармана финансировал все строительные работы, следил за их выполнением. Он поддерживал в исправности как само здание, так и его внутреннее убранство: следил за наличием в храме лампад и подсвечников, за своевременным поновлением иконостаса, за пополнением ризницы и церковной утвари. Далеко не всякий мог занять пост старосты. Мало того, что им в подавляющем большинстве случаев оказывался человек состоятельный, обладающий хозяйственной сметкой. По действующим во второй половине XIX века правилам церковным старостой мог быть избран человек не моложе 25 лет, непременно грамотный; он не должен был состоять под судом или следствием; непозволительным делом в отношении кандидата в церковные старосты считалась и опека за расточительство; самое же главное — будущего старосту прихожане должны были знать как человека, всецело преданного христианской Церкви^[3]. Карзинкины, добрые христиане, подходили по всем параметрам...

Старостой храма Андрей Александрович был начиная с 1880-х годов.

В течение долгих десятилетий один император сменял на троне другого, отношения между властью и Церковью то улучшались, то ухудшались, трансформировалась система купеческого образования и самые взгляды купцов на общество — а Карзинкины по-прежнему оставались ктиторами церкви Трех Святителей на Кулишках. Возможно, не случись революции, семейная традиция не пресекалась бы до нашего времени. И это многое говорит о семействе Карзинкиных. Они были теми глубинными людьми, людьми народной толщи, которыми земля Русская держится, которые составляли хребет империи и плодоносную почву нации. Что бы ни происходило, такие люди крепко стоят на ногах. Они сильны верой в Церковь, в отечество, в необходимость каждого человека жить собственным трудом — теми убеждениями, которыми руководствовались еще их отцы и деды. На солидных, добропорядочных и работающих Карзинкиных другие прихожане смотрели с уважением. Семья эта отличалась высокой степенью христианского благочестия, которую не могли

поколебать новые общественные веяния и причуды западного «секулярного мышления»... Храм же Трех Святителей, расположенный среди китагородских переулков, и по сию пору является одним из драгоценных камней в церковном венце Москвы.

Карзинкин-младший следовал по стопам отца, приняв от него бремя тяжелое, но доброе. После смерти Андрея Александровича его наследник избирается старостой той же церкви Трех Святителей на Кулишках — и исправно исполняет свои обязанности вплоть до закрытия храма представителями советской власти (конец 1920-х годов). Так, известно, что в 1927 году, когда администрация Мясницкой тюрьмы, расположенной в стенах близлежащего Ивановского монастыря, стала требовать закрытия храма, его священник, отец Василий (Пятикрестовский) и староста А.А. Карзинкин собрали несколько сот подписей в защиту церкви. Жаль только, что это не помогло. Храм закрыли, из него вывезли утварь и иконы, разобрали иконостасы. Приспособленный под тюремные нужды храм оказался обезглавлен, снесли также и шатер колокольни. Но нельзя забывать о том, насколько мужество, проявленное перед лицом неумолимо жестокого врага, духовно возвысило тех, кто пытался отстоять храм. В жизни дореволюционной Александр Андреевич был защищен от многих неприятностей своим богатством. Однако исчезновение этой защиты не сделало его ни малодушным человеком, ни маловерующим.

Помимо исполнения ктиторских обязанностей, Александр Андреевич постоянно занимался социальной благотворительностью. В 1889 году 26-летний Карзинкин отдал тысячу рублей на призрение душевнобольных (сбор денег производился по почину городского головы Н.А. Алексеева). Следующие известные его даяния приходятся на период после 1906 года, когда скончался его отец. Так, в 1908 году Александр Андреевич пожертвовал 25 тысяч рублей Московскому купеческому обществу на пособия бедным и столько же — Московской управе на образование фонда, с тем чтобы «проценты с этой суммы ежегодно выдавались бедным купеческого сословия к праздникам Св[ятой] Пасхи и Рождества Христова». Оба пожертвования носили имя отца, Андрея Александровича Карзинкина. 1908 год, кроме всего прочего, стал важной вехой в семейном бизнесе: в этом году Карзинкины отпраздновали 50-летие начала работы фабрики Товарищества Большой Ярославской мануфактуры. К дате «1908» было приурочено строительство в Ярославле новой церкви по проекту архитектора А.В. Иванова на деньги товарищества. Осветили храм во имя

Андрея Критского — и здесь вновь можно усмотреть акт доброй памяти сына по отношению к любимому отцу... да и видное место Александра Андреевича в директорате товарищества.

Столь крупное предприятие, как Товарищество Ярославской мануфактуры, вообще не могло не играть видной роли в жизни Ярославля. Например, ему принадлежала лучшая в городе пожарная машина, на которой добровольцы фабрики прибывали на тушение сильных пожаров. Когда же в 1900 году в Ярославле пустили первый трамвай, одна из трех его веток связала центр города именно с мануфактурой.

1908-й при всей его важности не стал еще венцом благотворительной деятельности Александра Андреевича. Всего через три года, в 1911-м, Карзинкин пожелал возвести и оборудовать за свой счет лечебницу на 15 грудных детей с амбулаторией. Это пожертвование было посвящено памяти его покойной сестры, Софьи Андреевны. Корпус с амбулаторией строился при активном участии самого Карзинкина, лично наблюдавшего за качеством и скоростью работ. Новое медицинское заведение открылось в Морозовской больнице (1914). Вообще, именные пожертвования являлись заметной частью предпринимательской благотворительности. В Российской империи бытовала традиция раздачи денег неимущим после смерти, «на помин души». Еще ранее на Руси утвердился обычай наделять нищих на церковной паперти после панихиды «поминальной» милостыней; в семействе умершего устраивались особые поминки для всех тех нищих и бедняков, кто зайдет во двор дома умершего. В этом обычае заложен сакральный смысл: православный христианин верил, что после смерти бедняки «отмолят» душу благотворителя, очистят ее от грехов своим обращением к Богу.

В 1917 году Александру Андреевичу исполнилось 54 года. Кто знает, сколько еще благих дел мог он совершить! Ведь Высший судия отвел ему еще немало лет. Но... грянула революция.

После прихода к власти большевистского правительства многие представители образованного класса вынужденно или добровольно покинули страну, превратившуюся из матери в мачеху. По свидетельству П.П.Муратова, который сам эмигрировал за рубеж, Александр Андреевич легко мог выехать из России в 1918 году: итальянская военная миссия жила в доме Карзинкиных перед отъездом из России. Невзирая на советы друзей, Карзинкин не пожелал эмигрировать. В том же, 1918 году он устроился работать в Государственный российский исторический музей (так именовали тогда ГИМ) на должность

научного сотрудника. Работать там ему довелось больше десятка лет: с 1918 по 1930 год, с вынужденными перерывами, проведенными им за решеткой Бутырской тюрьмы.

Знал ли Карзинкин, что его могут арестовать? Если и не знал наверняка, то догадываться уж точно мог — как догадывались об этом многие его знакомые. Когда ему советовали уехать из России, «он волновался: „Как же я могу бросить фабрику. Ведь они там все разорятся“. „Но вас арестуют“. Карзинкин улыбался немного таинственно. „Наши рабочие не дадут“, — говорил он не без гордости. Его действительно некоторое время не трогали. Он был избран в фабричный комитет и усердно работал там, пользуясь уважением даже рабочих-большевиков. Все это было возможно, разумеется, до поры до времени. Нашелся комиссар, который „убрал“ его и поселил в Бутырскую тюрьму почти на целый год».

Первый раз Карзинкина арестовали в начале августа 1920 года. Неделью спустя он сидел в камере Бутырской тюрьмы — вместе с видным коллекционером, также «классово чуждым буржуазным элементом» Д.И.Щукиным. «Я нахожусь в интеллигентной компании и вообще в прекрасных условиях», — сообщает Александр Андреевич А.В.Орешникову в письме от 8 сентября («прекрасные условия» — это когда к революционному празднику 7 ноября на арестантском столе появляются хлеб, молоко, масло! — А.Ф.) Приведенные выше строки пишет тюремный сиделец, впрочем, уже и на воле лишившийся семейного предприятия, собственного особняка, средств к существованию, наконец... Взамен утраченного материального благополучия у него появилось две комнатухи плюс возможность работать и получать жалованье в Историческом музее. Что ж, многие не располагали даже этим. Карзинкина «выручили» его увлечения — то, что он был нумизматом и имел отношение к музейному миру; теперь он стал частью этого мира. В 1918 году ему дали место музейного сотрудника, в 1920-м у Карзинкина, по тюремным обстоятельствам, прервался «стаж», затем его восстановили на службе.

Чего Александр Андреевич не лишился вовсе — так это бодрости духа, надежды на лучшее и... христианского смирения. Историкам повезло: в фондах Государственного исторического музея отложился комплекс писем Карзинкина к Орешникову, написанных бывшим коммерсантом в стенах тюремной камеры. Письма эти демонстрируют удивительное мужество и одновременно готовность смириться пред лицом Господа, дарующего человекам нелегкие испытания.

Так, во многих письмах Александра Андреевича видна

твердая вера в милость Царя Небесного. «Не чувствуя за собою вины, я твердо надеюсь на милосердие Божие, на то, что Он не оставит меня и мою бедную семью и пошлет нам силу духа, чтобы с твердостью и безропотно перенести это испытание». Карзинкина беспокоит не столько его собственная будущность, сколько будущность его семьи. Он просит старшего друга не оставлять его жену и дочь нравственной поддержкой. Ведь пребывание отца семейства в тюрьме, по его же собственным словам, «создало для... бедной и милой жены непосильную физическую усталость (не говоря уже о нравственных муках!), неизбежную при ходьбе в такую даль, как от нас до Бутырок!». И далее: «Я боюсь, что эта усталость физическая в связи с нравственными страданиями — погубит ее, бедняжку! Но и в этом я надеюсь на милость Бога».

Единственная жалоба Карзинкина, обращенная к Орешникову, — на то, что время за решеткой «тянется удручающе медленно». Еще бы! Человек действия был лишен возможности трудиться, лишен свободы передвижения. Он не получал новых впечатлений — если не считать наблюдений над тюремной жизнью, — и, следовательно, живой, деятельный ум его оказался «на голодном пайке». А Карзинкин и будучи на свободе не любил напрасной траты времени... У Александра Андреевича немало поводов к унынию: семья бедствует, жена еле-еле зарабатывает на хлеб уроками в танцевальной школе, которую по всякий день могут закрыть из-за холода в классах; у дочери обнаружилась сердечная болезнь.

Но Карзинкин не падает духом. Мало в его письмах говорится о горестях, гораздо больше — о маленьких радостях заключенного. «Я много лежу читаю и думаю. Моя дорогая жена прислала мне Евангелие и еще несколько книг». Карзинкина интересует, как идет работа в музее. У него даже хватает силы духа и самодисциплины, чтобы вести в тюрьме научную деятельность — в надежде продолжить ее на свободе. «Я составил здесь хронологический перечень всех московских церквей, нужный мне для моей работы». Бывший миллионер трогательно благодарит Орешникова за посильную заботу о его семье, за устройство Аделины в театральное училище. По-видимому, тот же Орешников сумел достать бумагу «о поручительстве Алекс. Андре, от музея на поруки». Этот документ и вывел Карзинкина из тюремных стен. 2 (19) декабря 1920 года над ним состоялся суд, а 6 (23) декабря его уже выпустили на свободу.

П.П.Муратов, встретившийся с Александром Андреевичем, как только того выпустили на свободу, спросил, почему он не уехал в 1918 году. «Я не жалею ни о чем, — сказал Александр Андреевич. — В тюрьме было очень интересно. Очень интересно-

с! Да, тут узнается человек. Если б я жил прежней жизнью, я никогда бы не узнал того, что знаю теперь».

В январе 1931 года Александра Андреевича арестовали вторично — по распоряжению ГПУ. Неужто припомнили его заступничество за храм? Снова пришлось отсидеть ему в камере Бутырки. Годом раньше Карзинкин, исполнявший тогда в нумизматическом отделе Исторического музея должность старшего помощника хранителя отдела теоретического музееведения, лишился работы. «Старорежимному спецу» советская власть принялась на старости лет сокрушать ребра... Чем мог навредить ей добрый старик нумизмат, у которого от прошлого остались только воспоминания да редкие товарищи, уцелевшие в большой русской катастрофе? Веру не могли ему простить — крепкую, все выдержавшую? За прежние, давно утраченные богатства мстили? Сказал что-нибудь неблагодное в отношении нового порядка? Александр Андреевич, выйдя из тюрьмы после краткой отсидки, скоро ушел из жизни. 30 июля 1931 года он скончался от сердечной недостаточности в возрасте 68 лет. Прожил жизнь светлую, достойную, наполненную... всем.

Обычно смерть человека вызывает печальные мысли. Сколько бы он еще мог сделать доброго, сколько тепла подарить близким людям, если бы не «прибрал его Господь», как говорили наши предки. Однако бывают случаи, когда кончина выглядит не простым перерезанием нити, а... даром великого милосердия, ниспосланным свыше. Так вот, для Александра Андреевича Карзинкина последний срок наступил очень вовремя. Бог словно... отпустил его, как отпустил когда-то Симеона-богоприимца. Что ждало бывшего мецената, пожилого ученого, доброго верующего? Прозябание в самом жалком и униженном состоянии, без средств к существованию? Боль от картин разрушения всего того, что было для него дорого? И года не минет, как «безбожная пятилетка» примется с суевливым глумлением захлопывать двери храмов, коих и без того оставалось совсем немного. И еще при жизни Александра Андреевича «Академическое дело» нанесло страшный удар по науке, по архивам и музеям. Зубры научной мысли оказались на лесоповале, на их место пришли громкоголосые недоучки. Карзинкин многое вынес на своем хребте, как и положено русскому православному человеку. Он был добр к ближним, не терял смирения и не снимал пояса веры в самые тяжкие годы. Он вдоволь поработал душой и умом. И он устал... Быть может, Бог шепнул ему на ухо перед смертью: «Теперь отдохни».

Примечания

Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860 1914 гг. М., 1999. С. 151.

В Научно-ведомственном архиве Государственного исторического музея отложился трудовой список А.А. Карзинкина. Этот-то документ и дает информацию о полученном коммерсантом образовании.

Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 164.